

А. О. Кучерова

Поэты и философы в публичном пространстве: взгляд Ханны Арендт

Мудрецы в политике – тема, находящаяся в поле зрения философов со времен суда над Сократом. Каждый новый век предлагал сообразный себе взгляд на эту проблему. Актуализированная эпохой тоталитарных режимов тема интеллектуалов в политике привлекла внимание многих мыслителей прошлого столетия, среди которых была и Х. Арендт. Автор утверждает, что случаи Б. Брехта и М. Хайдеггера, от которых отталкивалась Арендт в своих размышлениях относительно конфликта между политическим и философским образами жизни, во многом обусловили специфику ее практической философии, в частности ее взглядов на способность суждения. В статье показано, как желание Арендт включить поэтов и философов в политическую жизнь, оставив за ними ряд привилегий, расширило потенциал способности суждения. Отныне она служит не только для репрезентации политических акторов, но и позволяет интеллектуалам принимать участие в публичной жизни в качестве зрителя/рассказчика.

Ключевые слова: суждение, публичное пространство, философы, поэты, Х. Арендт, Б. Брехт, М. Хайдеггер

Anna O. Kucherova

Poets and Philosophers in Public Space: Hannah Arendt's view

The author of the article focuses on the problem of the sage in politics. Actualized by the era of totalitarianism, it attracted the attention of political theorists of the twentieth century, among whom was H. Arendt. The article shows what caused Arendt's reasoning about the role of intellectuals in modern politics, the associated danger for citizens and, accordingly, ways to eliminate the opposition *vita activa* and *vita contemplativa*. It was Arendt's analysis of the Brecht and Heidegger cases that influenced the formation of such a concept as a judging spectator, capable of making intellectuals members of the political community.

Keywords: judgment, public space, philosophers, poets, H. Arendt, B. Brecht, M. Heidegger
DOI 10.30725/2619-0303-2022-1-59-65

Публичное пространство или *Мир*, конструируемое Ханной Арендт в ее работах, находится в сложных взаимоотношениях с двумя специфическими группами, с которыми граждане вынуждены сосуществовать. Речь идет о поэтах и философах. Так как основанием для исследований Арендт служил не только ее личный опыт, но и кейсы, предоставленные ей ближайшим окружением, политические заблуждения Б. Брехта (коммунистические) и М. Хайдеггера (нацистские) вызвали не только интеллектуальный шок у Арендт, но и гражданскую озабоченность. В частности, политические действия ее учителя могли нанести непосредственный ущерб ее свободе и жизни. Этот нюанс вынудил ее обратиться к фигурам поэта и философа с позиции непосредственно судящего зрителя, гражданина. Случаи Брехта и Хайдеггера являются новой страницей в истории конфликта между мудрецами и полисом. Они побуждают Арендт к поис-

ку способов преодоления разрыва между *vita activa* и *vita contemplativa* (конфликт между философским и политическим образом жизни – ярчайшее воплощение этого разрыва) и к разработке собственной политической теории суждения. Безусловно, интеллектуальный коллаборационизм 1930–1940-х гг. вызвал рефлексию целого ряда современных исследователей, для которых данная проблематика оказалась сопутствующей их главному направлению поисков. В отличие от них, для молодой исследовательницы конфликт между обществом и интеллектуалами, наблюдаемый ею воочию, становится базой для всего здания ее практической философии.

«Бедный Б. Б.»: нарративное действие

Начнем с поэтов. Ведь, согласно логике Арендт, у истоков философии стоит никто иной как Гомер. Б. Брехту она посвящает две статьи, написанные с диаметрально противоположных позиций (почитателя

гения/политического теоретика) и имеющие, соответственно, отличные мотивы и намерения. Ранняя небольшая публикация 1948 г. «Преступая личную фрустрацию: поэзия Бертольда Брехта» [1] написана в духе литературной критики и панегирика. Совершенно по-иному звучит позднее эссе Арендт 1966 г. «What is Permitted to Jove»¹ (в доработанном виде оно получит название «Bertolt Brecht: 1898–1956»), в котором речь ведется от лица политического мыслителя и одновременно обеспокоенного гражданина. В отличие от первой работы 1948 г., характеризующейся деликатно-почтительным подходом к Брехту-творцу (к моменту ее написания поэт был еще жив), в статье 1966 г., на которой будет сделан акцент, Арендт уже не жалеет черной краски для Брехта-актера.

В своих лекциях Ален Бадью назвал Б. Брехта «культовым персонажем XX века», потому что тот был: немцем, театральным режиссером, сторонником коммунизма и современником нацизма» [2, с. 53]. Интеллектуальным вызовом для Арендт стал поиск ответа на вопрос – как именно соотносятся последние два пункта с поэтическим (неотмеченным Бадью) даром Брехта?

Знакомство с творчеством этого поэта и драматурга происходит в период парижской иммиграции (1930-е гг.) Арендт – один из самых драматических и решающих периодов в жизни мыслительницы. Будучи с юных лет чуткой к поэзии, она с восторгом и благодарностью принимает распространное Вальтером Беньямином в среде иммигрантов антифашистское стихотворение его друга «Детские песни». По ее мнению, оно имело огромное значение для людей, находящихся в пограничной ситуации. Произведение Брехта стало источником утешения, терпения и выносливости для всех, включая и ее саму. Примерно в то же время выходит стихотворение-посвящение Беньямину, в котором в завуалированной форме отражены их разговоры с Брехтом 1934–1938 гг. на тему сталинской диктатуры. Будучи марксистами, они понимали всю пагубность сталинского режима, но тем не менее ясно осознавали невозможность открыто выступить с критикой – в тех

условиях считалось, что только Сталину под силу свергнуть Гитлера. Более того, Брехт не исключал, что когда-нибудь, возможно, придется бороться и с этим режимом. В стихотворении не фигурирует имя «вождя народов», но описанные отношения между хозяином и слугой содержат в себе тонкую аллюзию на положение дел в СССР 1930-х гг. Его начальная строка «О, Великий Вол», изящно отсылающая к раннему стихотворению Брехта «О, Великий Октябрь!», отражает попытку автора с помощью поэзии выбраться из идеологической трясины, в которой он все сильнее с годами увязал. К сожалению, она окажется безуспешной, и к концу жизни Брехт окончательно станет заложником коммунистической идеологии, что и станет поводом для критики со стороны Арендт. Память о Беньямине – единственное, что будет связывать их. В письме 1946 г. Арендт делится с Брехтом планами издания на английском языке произведений их общего друга и просит его помощи в этом деле.

«Поэтов надо цитировать, а не рассуждать о них» [3, с. 241]. Так Арендт начнет свое эссе 1966 г. о Бертольде Брехте «What is Permitted to Jove». Подобный зачин мог бы послужить свидетельством в пользу исключения поэтов из сферы политики – они аполитичны и безучастны к гражданским делам, потому невозможно выносить суждения (которые у Арендт а priori политические) на их счет. Но специфика Брехта состоит в том, что в определенный момент его поэтическое слово стало коррелировать с коммунистическим мировоззрением. Следовательно, переступив порог публичности, он явил себя миру через поступок и слово и теперь не мог избежать суждения со стороны остальных участников тех событий.

Когда Арендт заявляет, что поэты «никогда не отличались гражданскими добродетелями, а XX век лишь стал очередным подтверждением этого тезиса», перед глазами возникает фигура Платона [3, с. 241]. Последний считал, что, если не изгнать слугителей Калиопы и Эраты из моделируемого им государства, то опасность духовного развращения потенциальных граждан будет неминуема. Арендт же видела проблему в привилегированном положении поэтов внутри политической общности. Со времен Гете сложилось представление, что на слугителей муз не распространяются силы гравитации: они практически не

¹ Первоначальный вариант названия эссе о Бертольде Брехте, именно под таким заголовком оно будет опубликовано в ноябрьском выпуске *The New Yorker* за 1966 г. (<https://www.newyorker.com/magazine/1966/11/05/what-is-permitted-to-jove>). Уже в самом тексте в контексте случая поэта она раскрывает значение этой старой римской поговорки.

принимают участия в человеческих делах. Отсюда соответствующий вывод – на них не возложено столько же ответственности, сколько на остальных. Очевидно, Брехт это понимал, когда писал: «Мое несерьезное отношение ко всему разрешено» [3, с. 242]. Но, что делать с такими, как он, чья ангажированность со временем преодолевает поэтическую дистанцию, отделяющую его от действительности (в его случае коммунистической)? Случай Брехта, о котором пойдет далее речь, стал для Арендт воплощением той опасности, которую представляет для сограждан внезапное желание поэтов без какой-либо осмотрительности и опыта включиться в политическую жизнь.

Поэт, согласно Арендт, – это голос Мира и всего реального. В ее эссе мы находим цитату из Брехта: «Все происходило публично, но не всем это было видно» [3, с. 256]. Данная сентенция – свидетельство не столько мыслительной конвергенции обоих авторов, сколько опыта прислушивания Арендт к поэтическому языку, который во многом питал ее философию. В том числе и ее размышления относительно способности суждения. Ко времени написания стихотворения «К потомкам», откуда были взяты эти строки, Брехт еще находился на удобной позиции абстрагированного наблюдателя. Такое местоположение обеспечивало ему целостное видение происходящих в обществе процессов, а значит, он мог не только судить о них с позиции *sensus communis* (общего чувства), но и в качестве рассказчика запечатлеть их публичный смысл в слове. Возмущение несправедливостью вынудило поэта стать действующим лицом, что повлекло за собой гибель его поэзии, неразрывно связанной с позицией зрителя. Будучи кооптирован коммунистической партией, Бертольд Брехт лишается доступа к всеобщему, выходит из сферы «любви к миру». В 1932 г. Максим Горький издал статью «С кем вы, мастера культуры?», в которой призывал писателей примкнуть к одному из двух возможных лагерей – народу или привилегированным классам. «Буревестник революции» полагал, что деятели культуры априори служат интересам, вопрос только – чьим? Отныне не могло быть и речи об общечеловеческих ценностях, писатель должен спуститься, так сказать, с небес на землю и не оставаться в стороне от идеологической повестки. Так Брехт и поступил. Всякий поэт, считает Арендт, имеет волю сказать правду, если

ему это позволят. Брехт так и сделал, но лишь отчасти. Лишившись удобной стратегической позиции, он упустил из виду, что тоталитаризм двулик и второй его личиной был – коммунизм. Он следовал заветам классиков (Маркса и Ленина), которые как планшет перед глазами, не давали ему видеть. Коммунист в нем стал доминировать настолько, что он уже не мог оставаться голосом Мира.

Ситуацию, сложившуюся вокруг поэта, Арендт назовет «случай Брехта». И он покоится на двух тезисах: поэты тоже грешат и единственная достойная их мера наказания – это лишение поэтического дара. Слова Арендт о том, что «поэта следует судить по его стихам» [3, с. 243], – это не закрепление за ним права на политическую безответственность, но нечто более метафизическое. Единственно доступное для поэта наказание – это лишение доверенного ему дара, что и произошло с Брехтом в конце жизни. Его опубликованные посмертно произведения, включающие, например, оды Сталину, Арендт считала «слабыми и убогими» [3, с. 244]. Тем не менее они были по-своему политическим событием, а любое событие требует реакции, которой и стало ее эссе. Арендт была убеждена, что поэзия и мышление теснейшим образом связаны между собой, а посему она проводит строгую каузальную связь между отсутствием понимания у Брехта окружающей политической действительности и ограниченностью его поэзии. Он так хорошо понимал все, что происходило в период между двух войн, но между тем упустил суть сталинизма в силу своей ангажированности.

Арендт дает собственное определение поэта. Это тот, кто должен сказать неговоримое, кто обязан не молчать тогда, когда все молчат, и кто поэтом обязан стараться не говорить слишком много о вещах, о которых все говорят» [3, с. 260]. Ранее творчество Брехта максимально приблизило его к этому эталонному образу поэта. Однако со временем он лишился своего поэтического дарования вследствие того, что стал говорить много о примелькавшихся вещах. Бертольд Брехт стал подвержен оптическим иллюзиям, вызванным его коммунистической линзой. В этом укорю со стороны Арендт очевидно аллюзия на анализ Хайдеггером повседневного бытия вот с его усредненностью понимания, разносящей и вторящей речию.

Метафизическая нора Хайдеггера-лиса

В текстах Арендт, посвященных Хайдеггеру, зачастую отсутствует открытая критика учителя. Но во многих ее работах, так или иначе затрагивающих координацию интеллектуалов вокруг Гитлера, «волшебник из Мескирха» скрывается за такими максимально обезличенными формулировками, как «они» или «такие люди». Арендт не располагала материалами, которые, возможно, сумели бы снять с нее аффективную пелену любви и преданной благодарности своему учителю. В отличие от Т. Адорно, считавшего Хайдеггера нацистом до мозга костей, она была убеждена, что «*такие люди* были в плену собственных идей» [4, с. 73]. Шаблонность речи и, соответственно, мысли А. Эйхмана привела Арендт к идее «банальности зла». Встретившись непосредственно с антисемитским дискурсом «Черных тетрадей», она, вероятно, сумела бы разрушить ею же возведенную апологетику Хайдеггера, в которой он предстает как угодивший в силки собственной системы мудрец. «*Они* (немецкие интеллектуалы. – А. К.) не желали того, что произошло после» [4, с. 77], – скажет Арендт в одном из интервью. После случился Освенцим. Единственно, чего она не могла простить никому из своего немецкоязычного окружения – принятие лагерей смерти. Хайдеггер, насколько она могла знать, не высказывался в поддержку окончательного решения еврейского вопроса, а значит возобновление контактов с ним было лишь вопросом времени².

Арендт имела представление о деятельности своего учителя на посту ректора Фрайбургского университета, включая его официальные выступления, проникнутые духом немецкого превосходства. Тем не менее высказываться резко о нацистском прошлом Хайдеггера она позволяла себе лишь в переписке с их общим другом, другим ее учителем – Карлом Ясперсом. Последний, к слову, не получив от Хайдеггера и толики раскаяния в содеянном, прервал с ним всякие контакты. Чего не скажешь об Арендт. Безусловно, она была шокирована действиями учителя в 1930–1940-е гг., но это не помешало им возобновить отношения. Сильнейший аффект (любовь³) пришел

в конфронтацию с ею же формулируемой теорией. Как известно, свою способность суждения Арендт выводила из третьей критики Канта, а значит суждение по аналогии с прекрасным любит без корыстного интереса, беспристрастно. Из рассказа ее племянницы известно, что незадолго до смерти Арендт в последний раз отправилась на встречу с Хайдеггером. На вопрос родственницы о причине, побудившей ее пойти к нему, она ответила: «Некоторые вещи сильнее человека» [5, р. 516].

Документально подтверждено, что вести свои рабочие тетради, в которых содержатся наброски идей как получивших дальнейшее развитие, так и оставшихся в зачаточном виде, Арендт начинает в 1950 г. (сразу же после ее встречи с Хайдеггером⁴) с постановки проблемы прощения. Примерно в то же время в одном из писем учителю она напишет: «Совершенная вами несправедливость – это бремя, что вы несете, так как взяли на себя ответственность за это» [6, с. 385]. Спустя три года в одной из тех же тетрадей появится остроумная притча «Хайдеггер-лис», в которой найдет иносказательное выражение драматичный политический опыт Мартина Хайдеггера. Арендт рассказывает историю лиса, оставившего свою метафизическую нору ради рискованного предприятия – вступления в политическую игру, но потерпевшего крах. И «когда на его шкуре, – пишет Арендт, – так сказать, не осталось живого места» [3, с. 593], он вновь обосновался в своем метафизическом убежище.

Аристотель считал, что человек, неспособный или не желающий вступать в общение, не составляет впрямь государственного элемента, становясь либо животным, либо божеством. В случае Хайдеггера больше подходит последний вариант. Арендт называет его «*королем, царствующим в сфере мышления*» [3, с. 593]. В отличие от большинства ученых мужей, которые знали, что их удел – это принадлежность сразу двум сферам (интеллектуальной/уединенной и политической/общественной), Хайдеггер не рассматривал себя частью политической общности, т. е. он долгое время находился «в метафорическом смысле, вне жилища людей» [7, р. 52]. Главная опасность, связанная со случаем Хайдеггера,

²После бегства из Германии в 1933 г. Арендт в течение нескольких десятилетий не имела контактов со своим учителем.

³Здесь речь не идет о том, что их любовная связь, драматически окончившаяся в конце 1920-х гг., возобновилась. Но о неупокойной для внешнего наблюдателя «существенно-личной» составляющей отношений Мартина Хайдеггера и Ханны Арендт.

⁴В послевоенные годы Арендт состояла в комиссии, занимавшейся возвращением культурных ценностей, отнятых у их владельцев в период Третьего рейха. В ходе одной из таких рабочих поездок она впервые за более чем 20 лет встречается со своим учителем.

состоит в том, что он решил размышлять над человеческими делами, которые ему были крайне чужды, находясь в царстве мышления.

В 1958 г. Ханна Арендт произнесла речь в честь Карла Ясперса. В ней учитель предстает в качестве эталона *публичного* человека, воплощение *humanitas* и достойного преемника Иммануила Канта. «Все, что выдерживает свет и не испаряется под его яркостью, – говорит Арендт, – причастно *humanitas*, взять на себе *ответственность* перед человечеством за каждую мысль – значит, жить в той освещенности, в которой держит испытание сам человек и все, что он думает» [3, с. 101]. Можно сравнить данный оммаж Ясперсу с произнесенной Арендт в 1969 г. на баварском радио поздравительной речью «Мартину Хайдеггеру 80». В ней утверждается, что Хайдеггер был частью *общественной жизни* лишь в качестве *преподавателя*. Одновременно, прославляя его педагогический талант, она указывает на возложенную на него ответственность и сопутствующие ей риски, которых он не сумел избежать. Она называет его «тайным королем» [4] одного из самых больших и неоднозначных академических сообществ мира. Его слава привлекала во Фрайбург массу учеников. Тем не менее известное плачевное состояние политической сознательности в немецких университетах Хайдеггер не спас, но усугубил, внося свою лепту в дело придания респектабельности нацизму в академической среде. Арендт отмечала, что, являясь частью антипубличной элиты 1920-х гг., именно Хайдеггер «изобрел свое *das Man*, противопоставляемое собственному бытию самости» [7, р. 9].

Причина, побудившая Хайдеггера вступить в НСДРП, была ясна Арендт, единственное чего она не могла простить – это его омерзительного бегства, исключавшего признание собственной принадлежности к нацистскому сообществу и, следовательно, раскаяние. В своем открытом заявлении «Ректорат 1933/34: факты и домыслы» он будет изъясняться в духе Платона: «автономный союз интеллектуалов (который он хотел вокруг себя создать. – А. К.) мог бы углубить и трансформировать ряд существенных элементов Национал-социалистического движения» [8, р. 484]. Хайдеггер предстает эталонным агорафобом: изначально не заинтересованный и пренебрегающий мирскими делами, он вдруг,

обуреваемый чувствами просветительского абсолютизма, решает, что в его власти знать и понимать за других – отныне опека над обществом в руках возглавляемых им интеллектуалов. В действительности же, не обладая опытом жизни-с-другими и не имея о ней ни малейшего представления, он до самого конца не понимал, что происходит на политической сцене Германии. Хайдеггер полагал, что дает сказать через себя Бытию, на деле же в нем говорил бытовой антисемитизм.

Платоновские аллюзии здесь неслучайны. В ученике Сократа Арендт видела «великого поэта в облике философа» [3, с. 241]. Тем самым он олицетворяет отсутствие «гражданской добродетели» равно у обеих категорий граждан – и философов, и поэтов. В этой связи замечательно предположение Жака Таминье, согласно которому, Платон – это *implex*⁵, он замещает в сознании Арендт фигуру Хайдеггера. Она осуществляет «деконструкцию хайдеггеровского платонизма», т. е. через критику Платона она стремится «преодолеть» политически безответственную позицию своего учителя» [9, р. 27]. Важно отметить, что философские системы и Платона, и Арендт направлены на закрытие собственных гештальтов. Один пытался разобраться с демократией, осудившей Сократа, а другая – с философами, которые в силу отсутствия политического «иммунитета» оказались одурманены тоталитарными парами. Ее обхождение с Хайдеггером и Брехтом аналогично тому, как Платон планировал решить проблему физически и духовно больных граждан своего государства – первых он бы оставлял умирать без вмешательства врачей, а судьба вторых зависела от приговора судьи. Несмотря на свою «болезнь», философ дожил до 86 лет, так и не излечившись, не признав своих заблуждений и ошибок, в то время как поэт вследствие божественного суда был лишен своего дара. Случаи Хайдеггера/Брехта – это две стороны одной медали: у первого абсолютная неспособность судить в силу аполитичности, у второго – утрата этой способности в силу политической ангажированности.

***

Брехт и Хайдеггер удобны для арендтовской концептуализации тоталитаризма: один – рупор сталинизма, другой – нацизма. Конечно, в свойственной ей манере она оставляет за скобками неудобные для

⁵ *implex* (лат.) – нечто, во что упаковано что-то иное.

ее конструкции факты, вроде политических высказываний и постановок (например, «Карьера Артуро Уи») драматурга, которые сделали бы его фигуру несколько более сложной, нежели портрет, подаренный нам Арендт. В политической биографии Брехта, своего рода показательном случае проблематичных отношений поэзии с политикой, Арендт видела важный предмет для собственной философии. Но к этой проблеме она решилась открыто подойти только спустя десятилетие после смерти поэта и спустя два десятилетия после своего первого эссе. Она ждала, пока слава Брехта упрочится, и, стало быть, настанет время задать кое-какие вопросы без риска недоразумений. Быть может, этим объясняется отсутствие ясной позиции относительно М. Хайдеггера? Слава Хайдеггера была очень шаткой в 1950-х – начале 1960-х гг., и Арендт просто не решилась подойти к анализу его «случая». Когда же ее учитель был реабилитирован, она была захвачена работой над «Жизнью ума», видимой причиной которой стала история Эйхмана. Арендт не оставляла попыток разрешить актуализированный Б. Брехтом и М. Хайдеггером конфликт между философским/поэтическим и гражданским образами жизни, а случай нацистского функционера послужил ей незаменимой пищей для ума.

Не поддающиеся выражению отношения между искусством и политикой ей удалось подвести к общему знаменателю – способности суждения. Со времен обучения в Гейдельбергском университете Арендт была убеждена, что стоящая перед ней проблема заключается во «враждебности людей созерцания к миру людских занятий (т. е. политики)» [4, с. 154]. Эксцессы Брехта и Хайдеггера дали ей понять, что куда опаснее, когда интеллектуалы, не обладая навыками общественной жизни или даже пренебрегая ею, активно включаются в политику. Способности суждения, которую Арендт рассматривала как базовую для политической жизни и устойчивого публичного пространства, единственно может оказаться под силу предотвратить в будущем катастрофы. Случаи Брехта и Хайдеггера – это равно отправная точка и интеллектуальный испытательный полигон для ее теории суждения. Осуществляя ретроспективное понимание их кейсов, она вместе с тем дает оценку способности суждения обоих. И тот, и другой опыт найдут выражение в ее теории.

Фрустрация – это то слово, которым можно заменить поговорку «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Страстно желание Брехта, как и многих поэтов, быть полезными обществу, так же, как и просветительский абсолютизм Хайдеггера и ряда философов, обернувшись катастрофой, заставили пересмотреть Арендт собственные взгляды на способность суждения. Она желала ввести поэтов/философов в публичное пространство, тем не менее оставляя за ними некоторую автономию, отсюда и такое нововведение в ее теории, как судящий зритель или рассказчик.

Рональд Бейнер справедливо заметил, что способность суждения прошла в своем развитии у Арендт несколько стадий: от способа политической репрезентации *hic et nunc* до беспристрастного зрителя, руководствующегося критерием всеобщности в своей оценке свершившегося.

«Чем больше, – пишет Бейнер, – Арендт рассуждала о способности суждения, тем сильнее она склонялась к тому, чтобы рассматривать эту способность как привилегию обособленного наблюдателя» [10, с. 153]. Теперь суждение – это прерогатива не только акторов, но и зрителей. И те, и другие принимают участие в политической жизни, но по-своему: одни используют способность суждения для репрезентации (мысленного согласия с другими) и консолидации, другие – с помощью языка фиксируют публичный смысл действия, судят от имени всего сообщества благодаря *sensus communis*. Так Арендт с помощью «суждения, которое есть пользование миром вместе с другими» [11, с. 221], достигает гармонии между гражданами и интеллектуалами.

Несмотря на то, что она считала плохие суждения в политике намного более тяжким грехом, чем таковые же относительно искусства или философии, и те, и другие нуждаются в *прощении*. Последнее, являясь конкретным средством защиты от непредсказуемости и необратимости действий, само становится политическим действием. Арендт понимала, что есть непростительные поступки, вроде тех, что совершил Эйхман. Что же касается случаев Брехта и Хайдеггера, она призывает к прощению, как освобождению акторов от привязки к одному единственному вредоносному действию.

Прощение дарует способность к началу нового в общем для всех Мира.

Список литературы

1. Arendt H. Beyond Personal Frustration: The Poetry of Bertolt Brecht // *The Kenyon Review*. 1948. Vol. 10, № 2. P. 304–312.
2. Бадью А. Век. Москва: Логос, 2016. 224 с.
3. Арендт Х. Люди в темные времена. Москва: Моск. шк. полит. исслед., 2003. 311 с.
4. Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 707 с.
5. Arendt H. The Jewish writings. New York: Schocken, 2007. 637 p.
6. Ханна А., Хайдеггер М. Письма 1925–1975 и другие свидетельства. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 456 с.
7. Arendt H. Martin Heidegger at Eighty // *New York Review of Books*. Vol. 17, № 6 (Oct. 21). P. 50–54.
8. Heidegger M. The Self-Assertion of the German University and The Rectorate 1933/34: Facts and Thoughts / transl. and introd. K. Harries, preface H. Heidegger // *Review of Metaphysics*. 1985. Vol. 38, № 3 (Mar. 1). P. 467–502.
9. Taminiaux J. The Platonic Roots of Heidegger's Political Thought // *European Journal of Political Theory*. 2007. Vol. 6, № 1. P. 11–29.
10. Бейнер Р. Ханна Арендт о суждении // Арендт Х. Лекции по политической философии И. Канта. Санкт-Петербург: Наука, 2012. С. 147–255.
11. Арендт Х. Жизнь ума. Санкт-Петербург: Наука, 2013. 517 с.

References

1. Arendt H. Beyond Personal Frustration: The Poetry of Bertolt Brecht. *The Kenyon Review*. 1948. 10 (2), 304–312.
2. Badiou A. *Century*. Moscow: Logos, 2016. 224 (in Russ.).
3. Arendt H. *Men in dark times*. Moscow: Moscow School of Political Research, 2003. 311 (in Russ.).
4. Arendt H. *Essays in understanding, 1930–1954. Formation, exile, and totalitarianism*. Moscow: Publ. house of the Gaidar's Inst., 2018, 707 (in Russ.).
5. Arendt H. *The Jewish writings*. New York: Schocken, 2007. 637.
6. Arendt H., Heidegger M. *Letters 1925–1975 and other evidence*. Moscow: Publ. house of the Gaidar's Inst., 2015. 456 (in Russ.).
7. Arendt H. *Martin Heidegger at Eighty*. *New York Review of Books*. 17 (6), Oct. 21, 50–54.
8. Heidegger M.; Harries K. (transl. and introd.); Heidegger H. (preface). *The Self-Assertion of the German University and The Rectorate 1933/34: Facts and Thoughts*. *Review of Metaphysics*. 1985. 38 (3), Mar. 1, 467–502.
9. Taminiaux J. *The Platonic Roots of Heidegger's Political Thought*. *European Journal of Political Theory*. 2007. 6 (1), 11–29.
10. Beiner R. *Hannah Arendt about Judgment*. *Arendt. H. Lectures on Kant's political philosophy*. Saint-Petersburg: Nauka, 2012. 147–255 (in Russ.).
11. Arendt H. *The Life of Mind*. Saint-Petersburg: Nauka, 2013. 517 (in Russ.).